Амоголонова Д. Д. Политика христианизации бурятского населения Российской империи в конце XIX — начале XX веков / Д. Д. Амоголонова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 346—361. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-346-361.

Amogolonova, D. D. (2022). Policy of Christianization of Buryat Population of Russian Empire in Late 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11 (1): 346-361. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-346-361. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-346-361

Политика христианизации бурятского населения Российской империи в конце XIX — начале XX веков

Амоголонова Дарима Дашиевна

orcid.org/0000-0002-1176-4095

доктор исторических наук, доцент
отдел философии, культурологии
и религиоведения
amog@inbox.ru

Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке гранта
Российского фонда фундаментальных
исследований
№ 21-011-44156 (Теология)
«Миссионерская деятельность
Русской Православной Церкви
на территории Внутренней
Азии в условиях
трансграничья (XVII—XXI вв.)»

Policy of Christianization of Buryat Population of Russian Empire in Late 19th — Early 20th Centuries

Darima D. Amogolonova

orcid.org/0000-0002-1176-4095

Doctor of History, Associate Professor
Department of Philosophy, Culturology
and Religious Studies
amog@inbox.ru

The Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The research was supported by the Russian
Foundation for Basic Research
in the framework of the Research
Project 21-011-4456 (Theology)
“Missionary activity of the Russian
Orthodoxy in the territory
of Inner Asia in the conditions
of cross-border areas
(from XVII to XXI century)”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема взаимодействия государства и религиозных общин, православной и буддийской, в Бурятии в имперский период. Представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа политики, с одной стороны, российского государства и, с другой стороны, православной церкви по отношению к бурятам. Задача исследования состоит в выявлении способов и механизмов, посредством которых эта этническая группа включалась в российское сообщество, обеспечивая интересы империи на востоке страны. Актуальность исследования обусловлена значимостью темы межрелигиозного взаимодействия в поликонфессиональном сообществе, которым, в частности, является население этнической Бурятии на протяжении нескольких столетий. Автор останавливается на взаимосвязанных аспектах окрестительной деятельности как механизма русификации иноверцев и одновременного стремления властей поставить под свой контроль буддийское духовенство, легитимизированное особыми законодательными мерами. В результате проведенного исследования доказано, что государственная политика институционализации буддизма сыграла важнейшую роль в формировании российской идентичности бурят. Утверждается, что этому в значительной мере способствовала лояльность буддийского духовенства к монархии и государству. Показано, что православная агитация имела лишь формальный успех, выражавшийся в числе лиц, принявших крещение.

Ключевые слова:

буряты; православие; буддизм; духовное пространство; Российская империя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of interaction between the state and religious communities, Orthodox and Buddhist, in Buryatia during the imperial period is considered. The results of a comparative analysis of the policy of the Russian state on the one hand and of the Orthodox Church on the other hand in relation to the Buryats are presented in the article. The objective of the study is to identify the ways and mechanisms through which this ethnic group was included in the Russian community, ensuring the interests of the empire in the east of the country. The relevance of the study is due to the importance of the topic of interreligious interaction in the multi-confessional community, which, in particular, is the population of ethnic Buryatia for several centuries. The author dwells on the interrelated aspects of the surrounding activities as a mechanism for the Russification of the Gentiles and the simultaneous desire of the authorities to bring the Buddhist clergy under their control, legitimized by special legislative measures. As a result of the study, it has been proved that the state policy of institutionalizing Buddhism played an important role in the formation of the Russian identity of the Buryats. It is argued that this was largely aided by the loyalty of the Buddhist clergy to the monarchy and the state. It is shown that Orthodox propaganda had only a formal success, expressed in the number of persons who were baptized.

Key words:

Buryats; orthodoxy; Buddhism; spiritual space; Russian empire.

Политика христианизации бурятского населения Российской империи в конце XIX — начале XX веков

© Амоголонова Д. Д., 2022

1. Введение = Introduction

Взаимоотношения бурят с имперской властью, способы вовлечения этой этнической группы в общероссийские процессы укрепления государственности с учетом интересов империи на Востоке уже становились объектом научных исследований. В советской науке, в частности, была исследована история буддизма в Бурятии в контексте его становления как одной из признанных в империи религий [Ламаизм в Бурятии ..., 1983], а также были проанализированы адаптационные практики буддийского духовенства в условиях коренных социально-политических изменений в России в начале XX века [Герасимова, 1964]. Постсоветская наука, пользующаяся методологической и концептуальной свободой, уделяет серьезное внимание актуальным для современности проблемам существования буддизма в Российской империи, а также вопросу взаимодействия православной и буддийской религиозных общин при главенствующей роли православного государства [Лепехов, 2012; Жуковская, 2013; Цыремпилов, 2013]. В ряде работ рассматриваются факты, процессы и результаты христианизации бурят [Санжиева, 2011, Нанзатов, 2017], а также демонстрация государством одобрения и доверия по отношению к бурятам [Цыремпилов, 2020]. Вместе с тем актуальным представляется изучение факторов, влиявших на слабые темпы реального принятия христианства бурятами при достаточно высоких формальных показателях успехов в крещении. Новизна данного исследования состоит в определении различий в подходах государственной власти и православной церкви к выстраиванию взаимоотношений с буддийской общиной в позднеимперский период, когда государство, исходя из прагматических целей, изменяет свою политику в отношении буддистов и бурят в сторону ее смягчения и поиска компромиссов: «Империя постепенно осознала, что разнообразие подданных является выразительным свидетельством ее величия» [Цыремпилов, 2020, с. 13]. В то же время большинство православных миссионеров стремятся к сохранению статус-кво, то есть не стараются лучше понимать «кинородцев» путем овладения их языком и постижения их образа мыслей и тем самым завоевания их доверия, а полагают, что буряты обязаны принимать крещение как исполнение долга перед государством и именно через крещение становиться

преданными подданными. Все это в итоге привело к массовому и даже демонстративному выходу из православия при сохраняющейся российской идентичности бурят.

2. Материал, методы, обзор = **Material, methods, review**

Материалы исследования основываются на документах из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) и Архива востоковедов Института восточных рукописей (АВ ИВР РАН). Кроме того, использовались опубликованные сочинения архиепископа Вениамина, архиепископа Парфения и иеромонаха Нестора.

Методологическим основанием исследования избран «ориентализм» в значении создания и закрепления в русском общественном сознании образа других посредством противопоставления бурят, характеризующихся в документах руководства Восточной Сибири как одаренный, нравственный и честный народ [Ходатайство ..., л. 6], буддийскому духовенству, описываемому в православных отчетах в негативном ключе из-за его службы, вредной «для пользы и целостности государства» [Ламаизм среди бурят ..., л. 31]. Православное духовенство усматривало вред буддизма, в частности, в противодействии крещению бурят, которые в случае принятия православия русифицировались бы и становились бы истинными подданными империи. Итак, в статье рассматриваются два аспекта ориентализма применительно к нашему исследованию — это формирование образа другого и представление «более исторического и материального определения», при котором ориентализм — это «корпоративный институт, занимающийся Востоком, заявляющий о нем, санкционирующий воззрения на него, описывающий его, регулирующий его посредством обучения, управляющий им: словом, ориентализм — это западный стиль доминирующей реструктуризации и установления власти над Востоком» [Said, 1978, с. 11]. Также важны идеи, предлагаемые Д. Схimmelпennинк ван дер Ойе, который обращается к имперской истории России и находит специфические черты и особенности «русского ориентализма», выражавшиеся, в частности, в деятельности Православной Церкви по отношению к мусульманам и буддистам, которые были подданными империи и проживали на ее территории [Schimmelpenninck, 2010]. Еще одним методологическим основанием исследования является идея символизма власти, представленная в работах Н. В. Цыремпилова и касающаяся каналов и способов, посредством которых нерусские и неправославные подданные убеждались в превосходстве и незыблемости власти Белого царя. Несмотря на значительную удаленность от столиц, Москвы и Санкт-Петербурга, представители буддийского духовенства, участвовавшие в пышных торжествах по поводу интронизации

зации императора, привозили на родину и распространяли среди буддистов «чувство подавленности великолепием православного торжества ... Обожествление царской власти, нормативное для буддийской традиции, открывало пути для творческой религиозной интерпретации сакральной географии ...» [Цыремпилов, 2020, с. 26]. Иными словами, у бурят собственная картина мира непротиворечиво включила в себя представления о сакральности российской власти. Представленное исследование нацелено на выявление факторов, вследствие которых, несмотря на сохранявшуюся лояльность империи, буряты в массовом порядке отказывались от своего крещеного статуса и переходили в буддизм.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Окрестительная деятельность Русской Православной Церкви как средство воспитания лояльности империи

В условиях укрепления империи и включения в нее огромных азиатских пространств и больших групп нерусского и неправославного населения актуальной была задача воспитания лояльности среди коренных жителей Сибири. Инструментом становилась православная проповедь, поскольку религиозная гомогенность считалась условием формирования российского менталитета, тогда как буддизм воспринимался как проводник иноземного влияния. Однако на протяжении длительного периода сосуществования русских и бурят в Сибири государственная политика по отношению к буддистам претерпела динамические изменения, продиктованные политическими и торговыми интересами империи на территориях, граничащих с Китаем. Рационально и государственно мыслявшие чиновники, хотя и не становились особо дружественными по отношению к буддийскому духовенству, все же осознавали его роль как авторитета в регулировании социальной жизни бурят и как помощника в укреплении русской светской власти, чему способствовала институционализация буддийской церкви. И хотя тотальная христианизация иноверцев являлась частью программы русификации, все же подразумевалось, что это должно стать плановой и длительной деятельностью по убеждению бурят, без резких и тем более насильственных мер.

Совсем иначе свои государственные задачи видели представители православного духовенства. Нетерпимость не только по отношению к буддистам, но и к чиновникам, стремившимся к сохранению мира в регионе, выразилась, в частности, в Записке в Святейший Синод Вениамина, Селенгинского епископа в 1862—1868 годы (см. [Амоголонова, 2019, с. 34]). Опираясь на эту Записку, другой православный деятель, камчатский миссионер иеромонах Нестор, обвиняет светские власти в «непомер-

ной любезности к идолопоклонническому суевию во вред православному просвещению», указывая на «жестокую государственную опасность от дальнейшего потворства ламаизму» [Нестор, 1910, с. 59—60]. Согласно рассуждениям Вениамина, Селенгинского епископа, крещение и принятие православной веры меняет нерусскую этническую идентичность на русскую (*русский* означает патриот, тогда как неправославный таким качеством не обладает; следовательно, крещение влечет за собой изменение не только религиозно-духовного мировоззрения, но и политических воззрений на государственную принадлежность): «Только тот называется русским, кто православный. Римско-католик, лютеранин, еврей, магометанин, язычник дотоле остается поляком, немцем, татаринном или бурятом, пока он не православный. Православие всех их равно делает русскими, и каждый из них почтет для себя оскорблением, если по принятии православия его назовут нерусским. Таким образом, в отношении к иноверцам, православие должно вести борьбу не просто с чужой верой, но и с чужой национальностью, с нравами, привычками и всей обстановкой обыденной жизни инородцев, убеждать их в превосходстве русского национального быта, чтобы сделаться им не по вере только, но и по национальности русскими» [Вениамин, 1882, с. 3]. В продолжение своей аргументации Вениамин провозглашает: «Таким образом, миссия православия, по отношению к инородцам, есть вместе с тем миссия обрусения ... Польза такой двойной миссии и для церкви, и для государства очевидна. С переходом инородцев к русской национальности, раскольников к быту современной Руси, измена тех и других православию становится немыслимой, они будут держаться его не по убеждению только в его истинности, но и как русские русской веры» [Там же, с. 5]. Для иеромонаха, позже епископа, Нестора сочинение Вениамина выступает в качестве руководства к действию, доказывающего, что православная миссия является не только инструментом крещения инородцев в соответствии с прозелитизмом, разрешенным в империи исключительно православию, но и «орудием государственности»: «Заключаящееся в этом произведении красноречивое истолкование основных начал, которыми должны определяться отношения государственной власти к Церкви в деле обращения иноверцев и раскольников, представляет собой безошибочное указание прямого пути к народному единству и крепости государственного организма» [Нестор, 1910, с. 62—63].

Одновременно необходимо учитывать, что представители нерусского населения, крещенные или нет, воспринимались миссионерами не только как «язычники», но и как «темный люд», «взрослые младенцы» в соответствии с бытующими в русской среде стереотипами об отсталости инородцев, что разделяли и православные лидеры. Например, Иркутский архиепископ

Парфений писал следующее: «Было бы странно осуждать детей по возрасту в духовной жизни за то, что они не об одном горнем мудрствуют, что они еще водятся чувственными пожеланиями детского возраста» [Парфений, 1868, с. 69—70]. Представления о расовых различиях, преимуществах русской национальности над нерусскими сложились в течение длительного периода освоения Сибири и Дальнего Востока и вполне соотносились с европейскими воззрениями на азиатов и африканцев, даже если они становились «новыми» христианами. Вдобавок к давно имевшимся ксенофобным установкам русского этнического большинства в XIX веке в России вслед за Европой среди образованных людей получили распространение идеи социального дарвинизма. Как отмечает П. ван дер Веер, наукообразность этих теорий способствовала «легитимизации темных теорий расовых различий, преступности и колониальных отношений. Наука о расе постепенно заменила религию» [Veer, 2001, p. 135]. Это означало право православных нести свет истинной веры для блага инородцев и инославных даже путем насильственного крещения, случаи которого среди бурят были нередки вплоть до конца XIX века. А неудачи окрестительной деятельности, заключающиеся в упорстве «язычников» в их приверженности своим родовым культам, вполне оправдывались соображениями о том, что даже крещеные буряты и прочие инородцы не становятся настоящими христианами.

Представления о коренном населении Сибири и Дальнего Востока, равно как и о Кавказе и Средней Азии, способствовали формированию так называемого русского ориентализма. Однако в отличие от британских заморских колоний в России речь шла о собственной территории и об этнических и религиозных группах, которых необходимо было сделать согражданами. При принятом отношении к нерусским как нецивилизованным общностям задачи крещения и через него достижения мировоззренческой гомогенности инородцев с «исконно православным» русским народом неминуемо означали рассмотрение «отсталого Востока как арены царских завоеваний», а большинство тех, кто готовился к миссионерской деятельности в стенах, например, Казанской духовной академии, «испытывали сильную антипатию к объектам своей деятельности» [Schimmelpenninck, 2010, с. 8, 151], что во многом определило формирование негативного образа других не только среди православных деятелей, но и в русском общественном сознании в целом. Однако существовала и противоположная точка зрения на необходимость и способы окрестительной политики среди инородцев, что воспринималось сторонниками непримиримости по отношению к инославным как предательство христианства: «Безграничная критика веры Христовой сделалась приятным занятием для очень многих людей, именующих себя просвещенными» [Нестор, 1910, с. 63].

К числу тех, кто стал объектом критики Нестора, относились не только сторонники расширяющихся среди российских интеллигентских кругов либеральных идей, но и сибирские чиновники, осознававшие необходимость поддержания миролюбивых отношений и с инородцами-мирянами, и с их буддийским духовенством: «В Сибири многие чиновники поступались законом, собственной совестью, интересами Православия, русскими правами и казенными землями, лишь бы только устроить лам как можно лучше, лишь бы только им да их ламаитам было бы хорошо» [Там же, с. 60].

Жесткая позиция православного руководства по отношению к буддийскому духовенству, а опосредованно и к бурятам, на которых была направлена окрестительная деятельность, вызывала критику со стороны русской светской общественности, в том числе и тех, кто предполагал, что христианизация инородцев является важной для государства целью и выполнимой задачей. В Санкт-Петербургском «Правительственном вестнике» за 1892 год была представлена общая картина ситуации среди бурят-буддистов, которые, несмотря на свое вероисповедание, честно исполняют свой долг по защите границ государства, успешно овладевают русским языком, что свидетельствует об их желании быть лояльными подданными империи: «Воинствующего буддизма не существует среди наших лам и еще меньше поощрения его за государственный счет», а существующие темпы обрусения, «бесхитростные и естественно разумные», делают из бурят «не косную, анти-культурно-мыслящую массу, а проводников русского влияния в Центральной Азии, непоколебимо преданных слуг обожествляемого ими Белого Царя, примерными исполнителями своих гражданских обязанностей» [Правительственный Вестник, л. 19]. Что касается отношения к православию со стороны бурят-буддистов, «Правительственный вестник» утверждает, что буддисты — это люди редкой веротерпимости, что подтверждается, в частности, тем, что они поддерживают миссионерские храмы, посещают православные церкви и заучивают христианские молитвы [Там же]. Более того, пишет газета, «они честнее и преданнее тысячей православных по имени» [Там же].

Однако с точки зрения целей православного руководства лояльность по отношению к государству должна была достигаться путем крещения, а в этом важную роль должны были сыграть те из инородцев, кто пользуется в среде своих соплеменников авторитетом, имеет власть и влияние. Крещение, как отмечает Б. З. Нанзатов, для бурятской элиты было способом продвижения по карьерной лестнице. Этому способствовало усердие в христианизации сородичей, а потому многие из них, став православными, «впоследствии оказывали всяческое содействие распространению христианской веры среди инородцев», поскольку уклонение от этой деятельности подразумевало отлучение от должности и иное наказание [Нанзатов,

2017, с. 106—107]. В целом же крещенные тайши, родовая знать, игравшие значительную роль в период существования степных дум, в действительности оставались почти явными шаманистами и буддистами. Иркутский епископ Парфений в своем донесении в Синод описывал, например, семью тункинских тайшей, в доме которых в передней комнате висели православные иконы, тогда как в дальней — изображения буддийских божеств, с которыми, пишет Парфений, бывший тайша отказался расстаться [Отчет ..., л. 40]. Таким образом, крещение знати представлялось подчиненному большинству в качестве *conditio sine qua non*, тем более что «большинство православных родоначальников продолжали почитать веру предков, принимали участие в общественных обрядах» [Нанзатов, 2017, с. 106], а потому не становились реальными проводниками окрестительной политики.

3.2. Формальный подход к крещению бурят и его последствия

Несомненно, православные пастыри осознавали, что христианизации и обрусения можно было достичь посредством обоюдного сближения: не только буряты должны были овладевать русским языком и культурой, но и миссионерам следовало учиться бурятскому языку и по возможности вести работу по убеждению инородцев в терминах их культуры. Пример в этом иногда подавали бывшие буддийские ламы, выбравшие христианство в качестве своей новой религии и сыгравшие некоторую роль в деле крещения бурят. Примечательна в этом отношении жизнь и деятельность Николая Нилова-Доржиева, бывшего ламы, чудесным образом уверовавшего во Христа и с того момента ставшего соратником своего духовного отца иркутского епископа Нила. Его деятельность включала в себя преподавание бурят-монгольского языка в Иркутской семинарии, службу в качестве священника в с. Гужиры (Тункинский район Бурятии) и переводы православных богослужебных книг на бурятский язык, чем он занимался также и после переезда вместе с Нилом в Ярославль, а затем и в Санкт-Петербурге, где он работал в качестве преподавателя факультета восточных языков в университете. Другим подобным примером служит миссионер протоиерей Доронтьев, бурят и бывший лама, совершавший путешествия по местам проживания бурят вместе с Парфением, архиепископом Иркутским и Нерчинским. В уже упоминавшемся Отчете за 1861 год епископ Парфений одобритительно отзывался о Доронтьеве как о человеке, который немало сделал для православия, поскольку помогал выяснению мнений инородцев о христианстве, что способствовало реализации проекта о создании миссий, и лично окрестил более 50 человек [Отчет ..., л. 26].

Тем не менее основную работу по обращению должны были выполнять русские миссионеры, получившие православное образование и обя-

занные заниматься религиозно-просветительской деятельностью с целью добровольного крещения бурят, тунгусов и представителей иных этнических групп. Со своей стороны, светские власти, безусловно, предпочитали оказывать поддержку православным миссионерам в условиях, когда среди предбайкальских бурят — основных объектов окрестительной деятельности — все шире распространялась бурятская националистическая идеология, в которой буддизм пропагандировался как национальная религия. Для ограничения влияния буддийских лам в 1892 году в Санкт-Петербурге состоялось особое совещание по разработке законодательной основы для внедрения среди бурят начального образования на русском языке с обязательным преподаванием Закона Божия. Смысл этого заключался в мерах по ограничению деятельности буддийского духовенства, с тем чтобы православные миссионеры имели бы самый широкий доступ к бурятам, не встречая скрытого противодействия со стороны лам, пользовавшихся поддержкой бурятского населения. Одновременно совещание признало, что состав миссионеров не отвечает возложенным на них задачам, миссионерские церкви дурно благоустроены; более того, было предложено изменить некоторые обряды, чтобы крещение стало для бурят более понятным [Журнал ..., л. 21].

Государственные чиновники, таким образом, предлагали меры, не связанные с принуждением инородцев принимать крещение, во всяком случае в конце XIX века (исключением явились случаи, когда из-за служебного рвения имело место насильственное крещение бурят, например, в связи с посещением бурятских территорий наследником-цесаревичем Николаем в 1891 году). Что касается успеха в проповеднической деятельности, то в этом вопросе еще большую важность приобретало сближение с шаманистами и буддистами посредством диалога с ними и донесения христианских религиозно-нравственных основ в терминах их культуры. Но такой путь был сопряжен с обучением будущих миссионеров таким образом, чтобы они становились высокообразованными специалистами в области чужой культуры. Однако, если сравнить светское и религиозное образование, становится очевидным различие в поставленных целях. Например, востоковедение в Казанском университете предполагало практическое применение знаний выпускников на поприще взаимодействия с азиатскими народами как в России, так и за ее пределами. В то же время Казанская духовная академия, единственное из четырех высших учебных заведений Русской Православной церкви, в котором преподавались восточные языки, тоже преследовала конкретную практическую цель — обращение некрещеных в православие; таким образом, «воззрения преподавателей в светском университете и православной академии отличались» [Schimmelpenninck, 2010, p. 150—151]. Существенным было и то, что господствовавшие ориента-

листные (то есть основанные на знаниях, предоставляемых учеными-ориенталистами, которые чаще всего описывали чужие религии в терминах христианства и европейской философии) представления о буддизме и буддистах как об однородном субстрате, вне зависимости от страны и времени его существования, делали практически невозможным понимание миссионерами своих задач. Изменение отношения миссионеров к объектам их деятельности в сторону глубокого изучения языка, быта и космологических представлений некрещеных инородцев для достижения взаимопонимания между ними и миссионерами пропагандировал А. М. Позднеев, выдающийся востоковед-монголовед. Он считал, что ехать в Сибирь должны священнослужители, достаточные образованные для быстрого включения в плодотворную окрестительную работу и способные овладевать знаниями о буддизме и шаманизме в конкретных условиях бурятской среды. Выступая 4 октября 1895 года перед студентами Миссионерского Института при Московском Покровском Монастыре, А. М. Позднеев объяснил, с какими трудностями они столкнутся в миссионерской работе. Речь идет о недостаточном, точнее, далеком от реального разговорного, знании бурятского языка, понимании мировоззрения и условий жизни инородцев, а особенно их религиозных представлений. Это становится непреодолимой преградой на пути к успеху в крещении. А. М. Позднеев призывает студентов миссионерского института овладевать знаниями о бурятах и бурятской культуре, в частности, о буддизме, причем речь идет не об индийском буддизме, который хорошо изучен на Западе и в российской академической науке, а о буддизме, который бытует среди бурят и является результатом реформации Цзонхавы [Позднеев, л. 9—12].

Призывы А. М. Позднеева не достигли цели: большинство православных проповедников относились к своей деятельности формально, что порождало ответное формальное отношение к своему православному статусу со стороны бурят. Такое положение вещей неминуемо привело к массовому отпадению крещеных бурят из православия после публикации Именного Высочайшего Указа «Об укреплении начал веротерпимости» (1905), который разрешал свободу вероисповедания. Восточносибирские православные власти, основываясь на букве Указа, пытались препятствовать переходу крещеных бурят в буддизм, поскольку ни они сами, ни их предки до крещения буддистами не были и о буддийской религии не имели познаний. Также и сроки исполнения Указа были нереальными ввиду больших расстояний и невозможности проверки достоверности прошений о выписывании из православия. Тем не менее отказаться от православия пожелали подавляющее большинство из 10 тысяч крещеных бурят, проживавших в Торском, Коймаровском и Харибятском ведомствах Иркут-

ского уезда, что вызвало возмущение и непонимание со стороны светских и религиозных руководителей в Санкт-Петербурге, вследствие чего были потребованы объяснения от Иркутского архиепископа Серафима. В своем пространном отчете архиепископ Серафим указал, что сразу после известия о Высочайшем Указе крещеные буряты продемонстрировали свое негативное отношение к православию: отказали миссионерам в крещении своих новорожденных детей, иконы либо возвращали миссионерам, либо уничтожали, перестали содержать миссионерские станы-храмы и школы и т. д. Обращаясь к истории, Серафим вспоминает, что всего лишь 50 лет назад, при архиепископе Вениамине, буряты верили в превосходство христианства перед своей религией (по-видимому, речь шла главным образом о шаманизме, а не о буддизме). Однако события после 1905 года показали, что крещеные буряты не получали качественных пастырских наставлений от приходских священников, которые «едва ли интересовались этими случайными овцами своего стада». А потому всего лишь принявшие крещение, но не имевшие позже религиозно-нравственного на них воздействия со стороны священников и миссионеров, буряты продолжали жить так же, как и до крещения, не исполняли религиозных обязанностей, храмов не посещали: «живя в одних улусах со своими некрещеными сородичами, жили по верованиям и обрядам шаманства или ламаизма». Архиепископ Серафим, в отличие от своих предшественников, обвинявших в переманивании паствы буддийских лам, возлагает вину за создавшееся положение и на православных священников и миссионеров, и на гражданскую власть, для которой формальное крещение инородцев было вполне достаточным основанием для того, чтобы считать их русифицированными и сливающимися с русским населением, а потому полагать, что они «будут жить русскими интересами и навсегда забудут свое тяготение к родственной им соседней Монголии ... Если крещен в русскую веру, значит уже не бурят, а русский» [Дело по расследованию ..., л. 22]. Крещение само по себе не налагало на новоокрещенных никаких обязательств, напротив, давало льготы и возможность получать подарки.

Указывая на причины провала православной агитации среди предбайкальских бурят, архиепископ Серафим перечисляет конкретные причины, почему буддийская агитация среди предбайкальских бурят на протяжении всего лишь двух десятков лет оказалась более успешной, чем продолжавшаяся более столетия православная окрестительная деятельность: плохое устройство миссионерских станов, отсутствие достаточного числа сведущих и опытных, преданных делу проповедников, крайний недостаток школ и религиозной литературы. Кроме того, важным условием успеха христианизации могло бы стать отправление треб и публикация книг на

бурятском языке, о чем архиепископ Мелетий просил Святейший Синод еще в 1834 году, однако эта идея, хоть и получила одобрение, так и не была масштабно реализована, учитывая, что миссионеры дурно овладевали живым бурятским языком, распространенным в местах их службы.

Напротив, буддийские ламы жили среди бурят, общались с ними на родном языке, пропагандировали и разъясняли тибетские тексты как устно, так и письменно, причем успешно действовали среди шаманистов и крещеных. В качестве своих рекомендаций архиепископ Серафим предложил полностью изменить положение Иркутской миссии посредством привлечения идейных, хорошо образованных, честных и самоотверженных тружеников, которые смогли бы полностью изменить ситуацию и снова привлечь бурят к православию [Там же, л. 22—24].

Оптимистические прогнозы Серафима не могли реализоваться по целому ряду причин. Медлительность Синода в принятии каких-либо мер обуславливалась царскими решениями относительно вероисповедания инородцев. Кроме того, последовавшие вскоре события, а именно первая мировая война, сняли с повестки дня окрестительные проекты, особенно если учесть, что буряты-буддисты, возглавляемые стойким и преданным монархистом Хамбо ламой Даши-Доржо Итигэловым, оказывали русской армии посильную добровольную помощь, что доказывало их российскую идентичность не в меньшей степени, чем крещеных сограждан.

4. Заключение = Conclusions

Русский государственный ориентализм с его важнейшей характеристикой — политическими интересами — не был явлением ригидным и однородным. Напротив, государственные интересы способствовали динамическим изменениям по отношению к нерусским подданным вплоть до введения определенных уступок. При этом уважение бурят к государству возрастало в связи с его отказом от политики подавления неправославных религий, что проявилось в предоставлении права перехода из православия в другие вероисповедания на основании Именного Высочайшего Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 года. Массовый выход бурят из православия в пользу буддизма свидетельствовал о пробуждении этнонационального сознания и о стремлении к религиозно-духовной интеграции. Одновременно речь идет об отстаивании права на сохранение культуры и самобытности в российском государстве, принадлежность к которому укреплялась предоставленной свободой вероисповедания. Важно отметить, что хотя бурятская буддийская община существовала в условиях запретительного законодательства, институализированный буддизм стремился доказывать свою лояльность империи, а потому у буддистов вос-

питывалось чувство преданности царю и государству. Таким образом, буддийская религиозная идентичность бурят стала неотделимой от идентичности российской.

Православный ориентализм существенно отставал от государственной гибкости в отношении инородцев и их верований. Буддизм на всем протяжении имперской истории рассматривался православным руководством в качестве не только конкурента в духовном пространстве, но и как противник в создании мировоззренческого единообразия, причем принятие крещения считалось едва ли не обязанностью некрещеных для становления верноподданными империи. Именно поэтому православная окрестительная деятельность не добилась реальных успехов в христианизации бурят. Однако социальная задача русской культуры в сближении бурят с русским населением была выполнена во многих аспектах, включая хозяйственную деятельность, регулирование вопросов управления, образование и приобщение не только к русским, но и к мировым культурным ценностям.

Источники и принятые сокращения

1. *Вениамин (Благодаров В. А.)*. Обязанности русского государства по обращению раскольников и иноверцев к православной русской церкви / Вениамин (В. А. Благодаров). — Иркутск : Типография Н. Н. Силицына, 1882. — 18 с. НСБ.
2. *Дело по расследованию причин массового перехода бурят Иркутской епархии из православия в буддизм* // РГИА. Ф. 796, оп. 197, 6 отд., 3 ст., ед. хр. 311.
3. *Журнал особого совещания о мерах к облегчению христианской проповеди* // РГИА. Ф. 797, оп. 62, 2 отд., 3 ст., д. 300.
4. *Ламаизм среди бурят*. Православная миссия среди инородцев-язычников и меры против пропаганды ламайского духовенства // РГИА. РГИА. Ф. 821, оп. 133, д. 431.
5. *Нестор (Анисимов Н. А.)*. Православие в Сибири (исторический очерк) / Нестор (Н. А. Анисимов). — Санкт-Петербург : Отечественная типография, 1910. — 80 с. НСБ.
6. *Отчет о состоянии Иркутской епархии за 1861 г. с данными о деятельности миссионеров*. Миссионерство // РГИА. Ф. 796, оп. 442, д. 51.
7. *Парфений (Попов П. Т.)*. Иркутская миссия в 1867 году / Парфений (П. Т. Попов). — Москва : В Университетской типографии (Катков и К), 1868. — 108 с. НСБ.
8. *Позднеев А. М.* Записка о деятельности Миссионерского Института // АВ. Ф. 44. Фонд Позднеева, оп. 1, ед. хр. 125.
9. *Правительственный Вестник* // АВ. Ф. 62. Фонд Ц. Ж. Жамцарано. Оп. 1, д. 114.
10. *Ходатайство* Константина и Ивана Литвинцевых о перечислении их из православия в ламайскую веру. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел // РГИА. Ф. 821, оп. 133, д. 423.

Литература

1. *Амоглонова Д. Д.* Государство, православие и буддизм в бурятском духовном пространстве (вторая половина XIX — начало XX в.) / Д. Д. Амоглонова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2019. — № 1. — С. 32—40.

2. Герасимова К. М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917—1930 гг.) / К. М. Герасимова. — Улан-Удэ : Бурятское книжное Издательство, 1964. — 179 с.

3. Жуковская Н. Л. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969—2011 / Н. Л. Жуковская. — Москва : Ориенталия, 2013. — 240 с. — ISBN 978-5-91994-023-4.

4. Ламанизм в Бурятии XVIII — начала XX века : Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев, Г. Ц. Митупов. — Новосибирск : Наука, 1983. — 240 с.

5. Лепехов С. Ю. Политика царского правительства по отношению к буддизму в Сибири в конце XIX — начале XX в. / С. Ю. Лепехов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2012. — № 3. — С. 52—60.

6. Нанзатов Б. З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX — начале XX в. : трансформация идентичностей / Б. З. Нанзатов // Oriental Studies. — 2017. — № 5. — С. 102—110. — DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-102-110.

7. Санжиева Т. Е. Особенности распространения православия среди бурят в XIX в. / Т. Е. Санжиева // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Политология. Религиоведение. — 2011. — № 2. — С. 209—215.

8. Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII — нач. XX в.) / Н. В. Цыремпилов. — Улан-Удэ : ИМБТ СО РАН, 2013. — 335 с. — ISBN 978-5-905958-03-8.

9. Цыремпилов Н. В. Москва как буддийский рай : бурятская депутация на коронации Николая II / Н. В. Цыремпилов // Этнографическое обозрение. — 2020. — № 2. — С. 13—31. — DOI: 10.31857/S086954150009602-2.

10. Said E. W. Orientalism / E. W. Said. — London and Henley : Routledge & Kegan Paul, 1978. — 368 p.

11. Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism. Asia in the Russian mind from Peter the Great to the Emigration / D. Schimmelpenninck van der Oye. — New Haven & London : Yale University Press, 2010. — 288 p. — ISBN 9780300110630.

12. Veer van der P. Imperial Encounters : Religion and Modernity in India and Britain / P. van der Veer. — Princeton & Oxford : Princeton University Press, 2001. — 216 p. — ISBN 0691074771.

Material resources

Government Bulletin. In: *AV. F. 62. Ts. Zh. Zhamtsarano Foundation. Op. 1, 114.* (In Russ.).
Journal of a special meeting on measures to facilitate Christian preaching. In: *RGIA. F. 797, op. 62, 2nd ed., 3rd art., d. 300.* (In Russ.).

Lamaism among the Buryats. The Orthodox mission among pagan foreigners and measures against the propaganda of the Lamai clergy. In: *RGIA. F. 821, op. 133, d. 431.* (In Russ.).

Nestor (Anisimov, N. A). (1910). *Orthodoxy in Siberia (historical essay)*. St. Petersburg: Domestic Printing House. 80 p. (In Russ.).

Parthenius (Popov, P. T). (1868). Irkutsk mission in 1867. Moscow: In the University printing house (Katkov and K). 108 p. (In Russ.).

Pozdneev, A. M. Note on the activities of the Missionary Institute. In: *AV. F. 44. Pozdneev Foundation, op. 1, ed. hr. 125.* (In Russ.).

Report on the status of the Irkutsk diocese for 1861 with data on the activities of missionaries. Missionary work. In: *RGIA. F. 796, op. 442, d. 51.* (In Russ.).

The case to investigate the causes of the mass transition of the Buryats of the Irkutsk diocese from Orthodoxy to Buddhism. In: *RGIA. F. 796, op. 197, 6 ed., 3 art., ed. hr. 311.* (In Russ.).

The petition of Konstantin and Ivan Litvintsev for their transfer from Orthodoxy to the Lamaist faith. Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs. In: *RGIA. F. 821, op. 133, d. 423.* (In Russ.).

Veniamin (Blagonravov, V. A.). (1882). *The duties of the Russian state on the conversion of schismatics and gentiles to the Orthodox Russian Church.* Irkutsk: Printing house of N. N. Sinitsyn. 18 p. (In Russ.).

References

Amogolonova, D. D. (2019). The state, Orthodoxy and Buddhism in the Buryat spiritual space (the second half of the XIX — the beginning of the XX century). *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East, 1:* 32—40. (In Russ.).

Gerasimova, K. M. (1964). *The renewal movement of the Buryat Lamaist clergy (1917—1930).* Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 179 p. (In Russ.).

Lamaism in Buryatia of the XVIII — early XX century: The structure and social role of the cult system. (1983). Novosibirsk: Nauka. 240 p. (In Russ.).

Lepekhov, S. Yu. (2012). The policy of the tsarist government in relation to Buddhism in Siberia at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences, 3:* 52—60. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. (2017). Buryats in the zone of influence of the Orthodox Church in the XIX — early XX century.: *transformation of identities. Oriental Studies, 5:* 102—110. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-102-110. (In Russ.).

Sanzhieva, T. E. (2011). Features of the spread of Orthodoxy among the Buryats in the XIX century. *News of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies, 2:* 209—215. (In Russ.).

Tsyrempilov, N. V. (2013). *Buddhism and empire. Buryat Buddhist Community in Russia (XVIII — beginning XX century.).* Ulan-Ude: IMBT SB RAS. 335 p. ISBN 978-5-905958-03-8. (In Russ.).

Tsyrempilov, N. V. (2020). Moscow as a Buddhist paradise: Buryat deputation at the coronation of Nicholas II. *Ethnographic Review, 2:* 13—31. DOI: 10.31857/S086954150009602-2. (In Russ.).

Zhukovskaya, N. L. (2013). *About Buddhism and Buddhists. Articles of different years. 1969—2011.* Moscow: Orientalia. 240 p. ISBN 978-5-91994-023-4. (In Russ.).